

Афанасий Фет

Лирика

«Public Domain»

Фет А. А.

Лирика / А. А. Фет — «Public Domain»,

Стихи Афанасия Фета знакомы нам с детства. Редкий поэт столь выразителен и точен в описании картин природы, столь восторжен – в описании женской красоты. Поэзия Фета удивительно музыкальна, потому и запоминаются его строки, потому и написано столько романсов на его стихи. Мы предлагаем вам вновь окунуться в высокий и романтический мир поэзии А.Фета.

Содержание

ОТВЕТЫ А. А. ФЕТА НА ВОПРОСЫ «АЛЬБОМА ПРИЗНАНИЙ»	9
ДОЧЕРИ Л. Н. ТОЛСТОГО ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ	
СМЕРТИ	15
ОДИНОКИЙ ДУБ	17
СТАРЫЕ ПИСЬМА	20
ALTER EGO [4]	24
СМЕРТЬ	26
СРЕДИ ЗВЕЗД	27
НИЧТОЖЕСТВО	30
ДОБРО И ЗЛО	31
СМЕРТИ	32
НИКОГДА	34
ЛАСТОЧКИ	36
ОСЕНЬ	37
ТЕПЕРЬ	40
СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ	41
СВЕТОЧ	43
УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ	49
ПОЭТАМ	51
ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ	56
АВАДДОН	58
ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ	59
К ОФЕЛИИ	60
ВЕСНА	62
ПЧЕЛЫ	64
ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ	65
ВЕСНА НА ДВОРЕ	66
ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ	67
ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ	68
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ	70
МАЙСКАЯ НОЧЬ	72
ЛЕТО	73
НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ	74
ОСЕНЬ	75
ОСЕННЯЯ РОЗА	76
СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА	78
СНЕГА	79
У ОКНА	84
ГАДАНИЯ	85
ПЕВИЦЕ	93
БАЛ	94
ШОПЕНУ	103
РОМАНС	104
В ЛУННОМ СИЯНИИ	106
О ПОЦЕЛУЕ [6]	115
ВЕЧЕР	123

ЗМЕЙ	124
ЛИХОРАДКА	125
ВИДЕНИЕ	126
ГЕРО И ЛЕАНДР	128
ТАЙНА	129
ЛЕГЕНДА	131
ГРЕЦИЯ	133
ВАКХАНКА	134
ИАНА	135
СОН И ПАЗИФАЯ	137
ИАНА, ЭНДИМИОН И САТИР	138
ТЕЛЕМАК У КАЛИПСЫ	139
НИМФА И МОЛОДОЙ САТИР	140
ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ	141
НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ	142
НА КОРАБЛЕ	145
ПОСЛЕ БУРИ	146
МОРЕ И ЗВЕЗДЫ	147
ПРИБОЙ	148
ПАМЯТИ В. П. БОТКИНА 16 ОКТЯБРЯ 1869 ГОДА	149
ПАМЯТИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО	150
ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ	151
ТУРГЕНЕВУ	152
БРЖЕСКИМ	153
А. Л. БРЖЕСКОЙ	154
А. Л. БРЖЕСКОЙ	155
А. Л. БРЖЕСКОЙ	156
ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ	157
К ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ С. А. ТОЛСТОЙ	158
ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ	159
ЕЙ ЖЕ	160
Е. С. ХОМУТОВОЙ	161
П. И. ЧАЙКОВСКОМУ	162
ГРАФУ А. К. ТОЛСТОМУ	163
ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ	164
Л. Н. ТОЛСТОМУ	165
ПОЛОНСКОМУ	166
Ф. И. ТЮТЧЕВУ	167
НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА	168
НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ	169
МАДОННА	171
ДЕРЕВНЯ	174
УЗНИК	175
СОСНЫ	177
БОЛЬНОЙ	178
В САДУ	179

Афанасий Фет Лирика

А. Фет

* * *

*Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.*

*Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.*

*Да, ты поймешь, поймешь – я это знаю –
Все, чем душа родная прожила, –
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.*

1842

<<...>> Ничто не сближает людей так, как искусство, вообще – поэзия в широком смысле слова. Такое задушевное сближение само по себе поэзия. Люди становятся чутки и чувствуют и понимают то, для полного объяснения чего никаких слов недостаточно. <<...>>

А. А. Фет. «Ранние годы моей жизни».

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески слепой –
Они им чувят, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел –
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

Ф. И. Тютчев.

Стихотворение, посвященное А. А. Фету

<<...>> Да – есть связи на жизнь и смерть. За минуту участия женственного этой муже-ски-благородной, этой гордой души, за несколько редких вечеров, когда мы оба бывали настроены одинаково, – я благодарю Провидение больше, в тысячу раз больше, чем за всю мою жизнь.

Ему хотелось скрыть от меня слезу – но я ее видел.

<<...>> Если я спас его для жизни и искусства – он спас меня еще более, для великой веры в *душу человека*. <<...>>

А. А. Григорьев.

*Из повести «Листки из рукописи
скитающегося софиста».*

* * *

<<...>> Всем прожитым был он пресыщен, все прожитое было ему гадко.

А между тем он был в полном цвете молодых сил, которые развились в нем свободно и широко.

Он был хорош, как муж, но на устах его мелькала иногда обаятельная, змеиная улыбка женщины. Минуты такой улыбки бывали редки, но они бывали. И то не были минуты мечтательности, ибо мечтательность есть ожидание лучшего. Нет! То был страшный, непостижимый, противоречащий рассудку возврат первоначальных детских снов, розовых сияний, какими окружен Божий мир для едва пробудившегося сознания. В нем была способность усыплять свое я и во время сна накидывать на него сброшенную оболочку.

В нем была способность обманывать себя, отрекаться от своего я, переноситься в предметы.

Он был художник в полном смысле этого слова: в высокой степени присутствовала в нем способность творения... <<...>>

С способностью творения в нем росло равнодушие.

Равнодушие – ко всему, кроме способности творить, – к Божьему миру, как скоро предметы оно переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником.

Так сознал и так принял этот человек свое назначение в жизни... Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг.

Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался... Широкие потребности даны были ему судьбою, но, пущенные в ход слишком рано, они должны были или задушить его своим брожением, или заснуть, как засыпают волны, образуя ровную и гладкую поверхность, в которой отражается светло и ясно все окружающее. <<...>>

Я не видал человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства.

Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять это страшное хаотическое брожение стихий его души. <<...>>

Он смеялся цинически над моею жаждой веры, убеждая меня, что я слишком умен, чтобы верить во что-нибудь. <<...>>

...Но зачем же сердце просит доверенности, зачем стремится оно жадно разделить каждое святое, прекрасное впечатление?.. <<...>>

Да! Этот человек один из немногих избранников искусства – и у меня есть назначение около него... <<...>>

А. А. Григорьев. «Офелия» .

ОТВЕТЫ А. А. ФЕТА НА ВОПРОСЫ «АЛЬБОМА ПРИЗНАНИЙ» ДОЧЕРИ Л. Н. ТОЛСТОГО ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ

1. Главная черта вашего характера? – Заботливость.
2. Какую цель преследуете вы в жизни? – Полезность.
3. В чем счастье? – Видеть плоды усилий.
4. В чем несчастье? – В безучастии.
5. Самая счастливая минута в вашей жизни? – Когда надел студенческий мундир.
6. Самая тяжелая минута в вашей жизни? – Когда узнал, что все мое достояние расхищено.
7. Чем или кем желали бы вы быть? – Вполне достойным уважения.
8. Где бы желали жить? – В сочувственном кругу.
9. К какому народу желали бы вы принадлежать? – Ни к какому.
10. Ваше любимое занятие? – Знакомство с поэтами.
11. Ваше любимое удовольствие? – Охота.
12. Ваша главная привычка? – Бранить тупость и пить кофе.
13. Долго ли бы вы хотели жить? – Наименее долго.
14. Какую смертью хотели бы вы умереть? – Мгновенной.
15. К чему вы чувствуете наибольшее сострадание? – К незаслуженным мукам.
16. К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением? – К терпению.
17. К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением? – Скупость не глупость.
18. Что вы всего более цените в мужчине? – Ум.
19. Что вы более цените в женщине? – Красоту.
20. Ваше мнение о современных молодых людях? – Что они в общем образованней нас.
21. Ваше мнение о современных молодых девушках? – Что в них мало прочного.
22. Верите ли вы в любовь с первой встречи? – Верю Шекспиру (Ромео и Юлия).
23. Можно ли любить несколько раз в жизни? – Конечно.
24. Были ли вы влюблены и сколько раз? – Два раза.
25. Ваше мнение о женском вопросе? – Что это праздный вздор.
26. Ваше мнение о браке и супружеской жизни? – Что это естественная тягота, которую надо уметь носить.
27. Каких лет следует жениться и выходить замуж? – От 29 до 50 и от 17 до 35.
28. Что лучше: любить или быть любимой? – Одно без другого плохо.
29. Покоряться или чтобы вам покорялись? – Без первого второе отвратительно.
30. Вечно подозревать или часто обманывать? – То и другое глупо.
31. Желать и не получить или иметь и потерять? – Первое.
32. Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие? – Отмена революции Наполеоном I и казнь Пугачева.
33. Ваш любимый писатель (в прозе)? – Гр. Л. Н. Толстой.
34. Ваш любимый поэт? – Гете.
35. Ваш любимый герой в романах? – Лукашка в «Казаках».
36. Ваша любимая героиня в романах? – Осинка в «Трех смертях».
37. Ваше любимое стихотворение? – «В последний раз твой образ милый...»
38. Ваш любимый художник? – Лизипп.
39. Ваша любимая картина? – Дрезденская Мадонна.

40. Ваш любимый композитор? – Шопен.
41. Ваше любимое музыкальное произведение? – Одна из его мазурок.
42. Каково настроение души вашей в настоящее время? – Пустыня.
43. Ваше любимое изречение? – Medio tutissimus ibis ¹
44. Ваша любимая поговорка? – «Что же делать?»
45. Следует ли всегда быть откровенным? – Не всегда возможно.
46. Искренно ли вы отвечали на вопросы? – Не желал лгать.

А. А. Фет. Портрет работы неизвестного художника. 1840-е гг.

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<<1844 >>

* * *

¹ Из всех путей безопаснейший – средний (лат.).

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных.

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

<<1844 >>

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает,

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, –
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

<<1847 >>

* * *

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал
огромный
Придет – и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна – и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

<<1847 >>, 1855

* * *

Странное чувство какое-то в несколько дней
овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и
желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни –
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдём же,
пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там
безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладки пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки
носок.
Жалко... да нет – хорошо, что никто не видал,
как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,

Что изучает грамматику в комнате ближней, мне
дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что
учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный
залог.
Он говорил, что любить есть действие – не
состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь
ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай бог нам вечно любить!

<<1847 >>

* * *

Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другую.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..

Бегу! Далекое, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистой и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.

<<1847 >>

* * *

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж
ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух
разрушенья!

Ты доставать виноград высунешь руку на двор, –
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

<<1847 >>

* * *

Тебе в молчании я стираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я стираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

<<1847 >>

* * *

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы –
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

<<1854 >>

СМЕРТИ

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участия
Искать страдалец обречен, –

Не верь, суровый ангел Бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора – пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, –
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

* * *

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь – опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь – и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,

В вожжи твой пояс цветной силясь, шалун, обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкою тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной
головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы
слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый
упрямец?
Долго не даром вокруг белый порхал мотылек;
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

<<1857 >>

ОДИНОКИЙ ДУБ

Смотри, – синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Все кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли!

Когда ж неведомым страданиям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытую корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Все дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

<<1856 >>

* * *

«Да, здесь, в этом лесу, был дуб, с которым мы были согласны, – подумал князь Андрей. – Да где он?» – подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам того не зная, не узнавая его, любовался тем дубом, которого он искал. Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия – ничего не было видно.

Л. Н. Толстой. «Война и мир».

* * *

Пойду навстречу к ним знакомою тропюю.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне слышалось? – В подобные
мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<<1859 >>

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне – мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листья.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

<<1864 >>

* * *

<<...>> Мы уже давно были с Ниййпе в переписке, но она с самого начала писала мне по-французски, и я даже не знаю, насколько она владела русской «почтовой прозой». Я всегда писал ей по-русски. <<...>>

Если я искренно жаловался своему другу Алексею Федоровичу на кого-либо, то только на себя, не находящего никакого исхода тому томлению, которое выражалось в письмах хорошо знакомой им девушки. Она не менее меня понимала безысходность нашего положения, но твердо стояла на том, что, не желая ни в каком случае выходить замуж, она, насильственно порывая духовное общение, только принесет никому не нужную жертву и превратит свою жизнь в безотрадную пустыню. Не высказав никакого определенного мнения, Бржесский посоветовал мне съездить в Федоровку, где Елена гостит в настоящее время, и постараться общими силами развязать этот гордиев узел.

Конечно, восторженная наша встреча не повела ни к какой развязке, а только отозвалась на нас еще более тяжелой и безнадежной болью. <<...>>

А. А. Фет.

«Ранние годы моей жизни».

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречаю взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку, –
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь!
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

1859 (?)

* * *

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пуškai клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую

Хотя на миг бессмертие твое.

<<1871 >>

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. –
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

* * *

Самой мучительной страницей в безжалостной судьбе Фета был его роман с Марией Лазич, дочерью небогатого отставного генерала Лазича. Об этом трагическом романе сам Фет рассказал в письмах к своему другу И. П. Борисову и в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни». (В воспоминаниях поэт называет Марию Лазич Еленой Лариной.)

Надежды поэта на получение части имения от брата и сестры и выход в отставку, после чего он смог бы соединить свою судьбу с любимой девушкой, не оправдались. Вскоре Лазич погибла от загоревшегося на ней платья. Был ли это несчастный случай или замаскированное самоубийство? Как бы то ни было, история с Марией Лазич не столько подтверждает легенду о черствости и корыстности Фета, сколько говорит о трагической судьбе, превратившей его на 31 году жизни в человека, вынужденного проститься с самым дорогим в своей душе: «Идеальный мир мой разрушен давно...»

Мотив огня, метафорический пожар в стихотворениях Фета... Не связан ли он со жгучими воспоминаниями о реальном огне, в котором сгорела его возлюбленная?

Е. Полтавец .

* * *

<<...>> Казалось, достаточно было бы безмолвно принести на трезвый алтарь жизни самые задушевные стремления и чувства. Оказалось на деле, что этот горький кубок был недостаточно отравлен.

Вскрости по возвращении в Крылов я выпросился на несколько дней в Березовку, и в самый день приезда моего к Бржесским появился Михаил Ильич Петкович и, здороваясь со мною, воскликнул:

– А Лена-то!

– Что? Что? – с испугом спросил я.

– Как! – воскликнул он, дико смотря мне в глаза. – Вы ничего не знаете?

И видя мое коснеющее недоумение, прибавил:

– Да ведь ее уже нет! Она умерла! И, Боже мой, как ужасно!

Когда мы оба немного пришли в себя, он рассказал следующее:

«Гостила она у нас, но так как ко времени сенной и хлебной уборки старый генерал послал всех дворовых людей, в том числе и кучера, в поле, то прислал за нею карету перед покосом. Пришлось снова биться над уроками упрямой сестры, после которых наставница ложилась на диван с французским романом и папироской, в уверенности, что строгий отец, строго запрещавший дочерям куренье, не войдет.

Так в последний раз легла она в белом кисейном платье и, закутив папироску, бросила, сосредоточивая внимание на книге, на пол спичку, которую считала потухшей. Но спичка, продолжавшая гореть, зажгла спустившееся на пол платье, и девушка только тогда заметила, что горит, когда вся правая сторона была в огне. Растерявшись при совершенном безлюдьи, за исключением беспомощной девочки сестры (отец находился в отдаленном кабинете), несчастная, вместо того чтобы, повалившись на пол, стараться хотя бы собственным телом затушить огонь, бросилась по комнатам к балконной двери гостиной, причем горящие куски платья, отрываясь, падали на паркет, оставляя на нем следы рокового горенья. Думая найти облегчение на чистом воздухе, девушка выбежала на балкон. Но при первом ее появлении на воздух пламя поднялось выше ее головы, и она, закрывши руками лицо и крикнув сестре: «*Sauvez les lettres*²», бросилась по ступеням в сад. Там, пробежав насколько хватило сил, она упала совершенно обгоревшая, и несколько времени спустя на крики сестры прибежали люди и отнесли ее в спальню. Всякая медицинская помощь оказалась излишней, и бедняжка, протомясь четверо суток, спрашивала – можно ли на кресте страдать более, чем она?» <<...>>

А. А. Фет.

«Ранние годы моей жизни».

<<...>> ...друг, посмотри на всю мою ложную, труженическую, безотрадную жизнь и скажи мне – что же это такое? за что? и для чего? Да куда же деваться?.. <<...>>

<<...>> Дело вот в чем: я встретил девушку – прекрасного дома и образования – я не искал ее – она меня; но – судьба, и мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно, без всяких претензий на что-либо; это мы сказали друг другу, но для этого надобно – как-либо и где-либо! Мои средства тебе известны – она тоже ничего не имеет... Я представил этому благородному существу все, на что другие никогда не хотели даже обратить своего эгоистического взгляда; и она, понимая и сочувствуя моим незаслуженным страданиям, – протягивает руку... <<...>>

<<...>> Пойду в поход – себя не жаль, потому что черт же во мне, а жаль прекрасного созданыя... <<...>>

² »Спасите письма« (франц.).

<<...>> Это существо стояло бы до последней минуты сознания моего передо мною – как возможность возможного для меня счастья и примирения с гадкою действительностью... <<...>>

<<...>> Я не женюсь на Лазич, и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мной чище снега... этот несчастный гордиев узел любви или как хочешь назови, который, чем более распутываю, все туже затягиваю, а разрубить мечом не имею духу и сил. <<...>>

<<...>> Не будем обвинять никого – это ребячество. Все люди одинаково дурны и хороши – одни только более или менее умны – восприимчивы к впечатлениям. Ты говоришь о каком-то «дождался» – я, брат, ждал, ждал и теперь не жду, чего ждал. Я ждал женщины, которая поймет меня, – и дождался ее. Она, сгорая, кричала: «Au nom du ciel sauvez les lettres!»³ – и умерла со словами: он не виноват, – а я. После этого говорить не стоит.

Смерть, брат, хороший пробный камень. Но судьба не могла соединить нас. Ожидать же подобной женщины с условиями ежедневной жизни было бы в мои лета и при моих средствах верх безумия. Итак, идеальный мир мой разрушен давно. Что же прикажешь делать? Служить вечным адъютантом – хуже самого худа; ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга. Может, это будет еще худшее худо – но выбора нет. <<...>>

*А. А. Фет. Из писем И. П. Борисову
1849–1851гг.*

³ Во имя неба, спасите письма! (франц.)

ALTER EGO ⁴

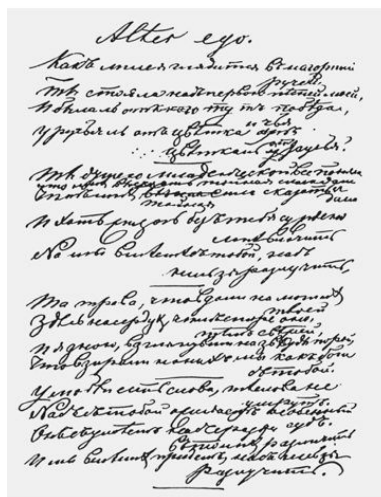
Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

⁴ Второе я лат.).

Автограф стихотворения «Alter ego». Январь 1878 г.

* * *

<<...>> Оно прекрасно! На нем есть тот особенный характер, который есть в ваших последних – столь редких стихотворениях. Очень они компактны, и сиянье от них очень далекое. Видно, на них тратится ужасно много поэтического запаса. Долго накапливается, пока кристаллизуется. <<...>>

Л. Н. Толстой о стихотворении «Alter ego».

Из письма А. А. Фету

27 января 1878 г.

СМЕРТЬ

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. –
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним, – бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, –
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть – его бессмертный храм.

1878

* * *

<<...>> Конечно, никто не предположит, чтобы в отличие от всех людей мы одни не чувствовали, с одной стороны, неизбежной тяжести будничной жизни, а с другой, тех периодических веяний нелепостей, которые действительно способны исполнить всякого практического деятеля гражданской скорбью. Но эта скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии. <<...>>

А. А. Фет.

Из предисловия к третьему выпуску

«Вечерних огней».

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность – мы, ты – миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

22 ноября 1876

* * *

<<...>> Стихотворение это не только достойно вас, но оно особенно и особенно хорошо, с тем самым философски поэтическим характером, которого я ждал от вас. Прекрасно, что это говорят звезды. И особенно хороша последняя строфа.

Хорошо тоже, что заметила жена, что на том же листке, на котором написано это стихотворение, излиты чувства скорби о том, что керосин стал стоить 12 копеек.

Это побочный, но верный признак поэта. <<...>>

Л. Н. Толстой. Из письма А. А. Фету

6...7 декабря 1876 г.

* * *

Die Gleichmigkeit des laufes der zeit in allen kopfen beweist mehr, als
irgend etwas, da wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja da es ein wesen
ist, welches ihn traumt.

Schopenhauer⁵

⁵ Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. Шопенгауэр (нем.).

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мироздания курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, –
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновении
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозрении, и в этом забвении
Легко мне жить и дышать мне не больно.

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,

Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864 (?)

* * *

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, – он сказал, –
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный –
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он отвечивал: «Писанию внемли:
Пред Богом-Господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез – и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

<<1874 >>

НИЧТОЖЕСТВО

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условия первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих
обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело.
И вот всю жизнь с тех пор ошибка
за ошибкой,
Я все ищу добра – и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой
(Не все ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг – и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? – Молчат и чувства и
познание.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты – это ведь я сам. Ты только отрицанье
Всего, что чувствовал, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мироздании,
Куда ни обратиться, – вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнании
Одно прискорбное, но страшного в нём нет.

А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким
криком,
С каким я некогда твой берег покидал.

ДОБРО И ЗЛО

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли Божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как Бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всеильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

14 сентября 1884

СМЕРТИ

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

<<1884 >>

* * *

<<...>> Должно быть, и моя дверь недалеко. Боюсь мучительной жизни, а не небытия.
Я его помню. Ничего. Покойно. Аттила всех резал, а я себе ничего. При Диоклетиане жгли
христиан, а я себе и в ус не дул. <<...>>

*А. А. Фет. Из письма Л. Н. Толстому
20 января 1873 г.*

* * *

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы.
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильнее и ярче всей вселенной.

Меж тем как я – добыча суеты,

Игралище ее непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

* * *

<<...>>Что человек слаб и молится среди океана – это его субъективное чувство и дело. Туда другому вход запрещен. Но по логике молиться об чем-либо значит просить Бога перестать существовать, изменив свои же неизменные, вечные законы ради Иисуса Навина.<<...>>

А. А. Фет. Из письма Л. Н. Толстому

19 февраля 1879 г.

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба. – Руки
С усилием простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. – Да, это наяву! –
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться?
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушеньи!
И руки опустились в изумленьи.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Все понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознание
С чем связано? И в чем его призвание?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

Январь 1879

* * *

<<...>> ...вопрос духовный поставлен прекрасно. И я отвечаю на него иначе, чем вы. Я бы не захотел опять в могилу. Для меня и с уничтожением всякой жизни, кроме меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношения к Богу, то есть отношения к той силе, которая меня произвела, меня тянула к себе и меня уничтожит или видоизменит.

<<...>> Дай Бог вам здоровья, спокойствия душевного и того, чтобы вы признали необходимость отношений к Богу, отсутствие которых вы так ярко отрицаете в этом стихотворении.

Л. Н. Толстой. Из письма А. А. Фету

31 января 1879 г.

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась – кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, все буйство первых дней
С их радостью – все тише, все ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодной постелью.

1864

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечеряющим прудом.

Вот понеслась и зачертила –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, –
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

<<1884 >>

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

* * *

Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

<<...>> От этого-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем умом сердца, как вы называете. <<...>>

Я свежее и сильнее вас не знаю человека. <<...>>

Л. Н. Толстой. Из письма А. А. Фету

28 июня 1867 г.

* * *

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных
стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апреля 1883

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых –
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!

29 мая 1884

* * *

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздых –
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище

Страшна и ночь, и собственная тень.

<<1884 >>

ТЕПЕРЬ

Мой прах уснет, забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил – и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной поведем жизнью оба,
И ты и я – мы встретимся – теперь!

<<1883 >>

* * *

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе
стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

<<1884 >>

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливы! Вышею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись – все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

4 июня 1887

* * *

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом;
Лишь соловьи робких чад
Хриплым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! – И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

<<1880 >>

* * *

Дух всюду сущий и единый.
Г. Р. Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но, просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

* * *

Прости – и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, –
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

СВЕТОЧ

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мглистой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной,
Но, обежав меня лукаво,
Они смыкались за спиной.

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.

16 августа 1885

* * *

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

* * *

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится.

И, разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врознь стоять у двери гроба.

9 июня 1887

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, –
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

<<...>> И рядом с тютчевским определением, имеющим всю глубину и всеобъемлемость формулы: «мысль изреченная есть ложь», должно быть поставлено равносильное, но исполненное жизни восклицание Фета:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

Фет в одном стихотворении уподоблял создания искусства туманностям, чуть видимым среди звезд:

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть!

В другом месте он сравнивал воплощенную мечту с заревом пожара:

Когда читала ты мучительные строки, –
спрашивал он,

Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

Перед астрономом – только легкие облачки и спирали слабого света. А в действительности это – целые миры, тысячи солнц и планет, миллионы лет всех форм бытия, борьбы, исканий, осуществлений! Перед читателем только красивое зрелище: зарево на ночном небе, только певучие стихи, смелые образы, неожиданные рифмы. Как легко пробежать глазами стихотворение и почтить его «едким осуждением» или «небрежной похвалой». Но за этими двенадцатью строчками целый ужас – «Там человек сгорел!» Кто же поймет его, если даже для самого художника, когда он отдалается от своих созданий, они – «только неясно дошедшая весть»!

Поэт, стремясь в словах, которые ежедневно влекутся по «торжищам» и «рынкам», воплотить «живую тайну вдохновенья», подобен младенцу, который думает, что может рукой поймать в волнах ручья отражающуюся в нем луну...

Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там!

И вот не под влиянием «минутного аристократического восхищения», а с горьким сознанием Фет унижал свое вдохновение пред полнотою бытия. В искусстве, которое казалось единственно подлинным, единственно стойким в мятущемся потоке явлений, он увидел тот же яд лжи, искажающий, обезображивающий прозрение художника. В безднах ища опоры, «чтоб руку к ней простреть», он ухватился за искусство. Но оно подалось, оно не выдержало его тяжести. И вновь он остался один,

И немощен, и гол
Лицом к лицу пред пропастию темной.

Тогда в этом обширном мире, в этом «мировом дуновении грез», не осталось для него ничего, что имело бы самодовлеющее значение, кроме собственного я. В центре мира оказалась не мертвая статуя, не «искусство для искусства», а живой человек. Так, куда бы мы ни шли по земле, мы всегда увидим самих себя в самой середине горизонта, и все радиусы небес-

ного свода сойдутся в нашем сердце. Фет отказался от своего первоначального поклонения искусству не потому, чтобы забыл «о великом назначении человеческого духа», а потому, что поставил его слишком высоко. «Буду *буйства* я жизни *живым* отголоском» – вот как примирил он притязания жизни и искусства.

Человек, для человека есть последняя «мера вещей». В человеке – все, и вся жизнь, и вся красота, и весь смысл искусства. Какие бы великие притязания ни высказывала поэзия, она не могла бы сделать большего, как выразить человеческую душу. Понимая это, Фет слагал восторженные гимны личности. <<...>>

Умудренный опытом лет, он не находил другого назначения поэзии, как служение жизни, но только в те мгновения, когда, просветленная, она становится окном в вечность, окном, сквозь которое струится свет «солнца мира». <<...>>

В. Я. Брюсов.

«А. А. Фет. *Искусство или жизнь*».

* * *

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела,
Хотя на миг отраднo и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе,
Там, где царит железная судьба.
Сюда! сюда! не рабство здесь природе –
Она сама здесь верная раба.

17 июля 1887

* * *

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,

Словно неясно дошедшая весть...
Все бы, ах, все бы с собою унести!

22 августа 1887

* * *

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

* * *

<<...>> Лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, напр., безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры.

<<...>> Незнакомого лирического стихотворения нечего читать дальше первого стиха: и по нем можно судить, стоит ли продолжать чтение. <<...>>

А. А. Фет.

«О стихотворениях Ф. Тютчева».

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один, –
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался

Избыток счастья и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

* * *

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видеть,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попить довелось устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

14 августа 1888

* * *

Устало все кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертную истомой!

24 августа 1889

УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чують, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, –
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вдоха!

6 мая 1890

* * *

<<...>> Между двух своих зорь, утренней юностью, сразу угадавшей свое назначение, и юностью закатной, – ибо Фет всю долгую жизнь свою провел влюбленным юношей и не знал, что значит некрасивая зрелость, и не знал, что значит безобразная старость, – заревой свирельник, звездный вестник никогда не терял связи с числами неба, пред ним была раскрыта верховная огненная книга, правящая судьбами верховными и низинными, не покидали его эти алмазные калифы, внушали ему, чтобы дух его, летая струнным звуком над беззвучьем, бабочкой над цветами, однодневной над земными днями, просился в беззакатный день, – и в семьдесят лет, за два года до смерти, он грезил о том же, говоря к угасшим звездам:

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чують, что выше и краше
Вас – ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями, –
Давняя вас погасила эпоха...
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вдоха.

Звездное зрение приучает душу к быстрым перебегам через огромные пространства, от одного желанного к другому чему-то, что будит желание, от одной яркой цели к другой блистательной мечте. Так, долго смотря на неисчерпаемую россыпь светов Млечного Пути, тот, кто любит звезды и переживает их ворожбу, за усладительным оцепенением быстро и резко поворачивается, чтобы увидеть в другом месте неба любимое созвездие, впить душой трезвучье Ориона.

В творчестве Фета всюду можно усмотреть этот быстрый перебег от прекрасного к прекраснейшему, от основы, которая создала вещее состояние души, к закрепляющей впечатлению, дальней, но четкой, острой подробности, которая, схватив, уже не отпускает. <<...>>

Давно сказано, сказал Страхов, сказали другие: «Фет есть истинный пробный камень для способности понимать поэзию». О пробный камень ломаются многие остря. Все время, пока

Фет пролагал и вел свою лучезарную дорогу, вокруг этого пышного сада, где земное кажется неземным, вокруг этого чертога красоты – и чрез красоту просветленного миропознания, – вокруг этой неувядаемой розы возникали лжеумствования и лжеглаголения. <<...>>

К. Д. Бальмонт.

«Звездный вестник».

ПОЭТАМ

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

* * *

Хоть счастье судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.

Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь негодованья?

Участья не прошу – могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.

16 июня 1890

* * *

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, –
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

<<...>> Стихотворение, подобно птице, пленяет или задушевым пением, или блестящим хвостом, часто даже не собственным, а блестящим хвостом сравнения. Во всяком случае,

вся его сила должна сосредоточиваться в последнем куплете, чтобы чувствовалось, что далее нельзя присовокупить ни звука.

Вот главные правила, которых я стараюсь держаться при своей стихотворной работе, причем главное стараюсь не переходить трех, много четырех куплетов, уверенный, что если не удалось ударить по надлежащей струне, то надо искать другого момента вдохновения, а не исправлять промаха новыми усилиями. <<...>>

<<...>> – Я бы лгал, собираясь положительно указывать пути возникновения стихотворений, так как не я их разыскиваю, а они сами попадают под ноги, в виде образа, целого случайного стиха или даже простой рифмы, около которой, как около зародыша, распухает целое стихотворение. Конечно, если бы я никогда не любовался тяжеловесной косой и чистым пробором густых женских волос, то они и не возникали бы у меня в стихах; но нет никакой необходимости, чтобы каждый раз мое стихотворение было буквальным сколком с пережитого момента. <<...>>

*А. А. Фет. Из писем
великому князю К. К. Романову.*

* * *

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать.

15 января 1891

* * *

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
О беззаветности надежды говоришь, –

Нет, чтобы счастью нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.

Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про все, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.

19 февраля 1891

* * *

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

2 марта 1891

* * *

О, как волнуюсь я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.

Внизу померкший сад уснул, – лишь тополь
дальный
Все грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

12 августа 1891

* * *

Все, что волшебю так манило,

Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страдания в прошлом восстают.

28 февраля 1892

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

* * *

Я люблю его жарко: он тигром в бою
Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нем отраду, награду мою
И потомка великих отцов.

Кто бы ни был ты – странник простой иль купец,
Ни овцы, ни верблюда не тронь!
От кобыл Мугаммеда его жеребец –
Что небесный огонь этот конь.

Только мирный пришлец нагибайся в шатер
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор:
Он бадья при колодце пустынь.

Будто месяц над кедром, белеет чалма
У него среди широких степей.
Я люблю, и никто – ни Фатима сама –
Не любила пророка сильнее!

<<1847 >>

* * *

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада,
И оратай вышел в поле.

Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.

Целый мир пахну' л весной,

Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной,
Ты меня обнимешь левой.

Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись – и опочий
У меня между грудями.

<<1847 >>

АВАДДОН

Ангел, и лев, и телец, и орел –
Все шестикрылые – держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздается из них: «Свят, свят, свят!»
Вот проносящийся ангел трубит,
С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.
Медными крыльями грозно стуча,
Вышла из дыма с коня саранча.
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красой,
То Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас и жалить – и вот
Смерть призовете, и смерть не придет,
Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет Господь!

1883

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

К ОФЕЛИИ

* * *

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

<<1842 >>

* * *

Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.

Душе раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

<<1847 >>

* * *

Как ангел неба безмятежный,
В сиянье тихого огня
Ты помолишь душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

<<1843 >>

* * *

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

<<1846 >>

А. А. Фет при поступлении на службу в лейб-гвардии Уланский полк. Фото начала 1850-х гг.

ВЕСНА

*

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.

<<1844 >>

*

Еще весна, – как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, – медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллея не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синееет,
А я иду – душистый холод веет
В лицо – иду – и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придет пора – и скоро, может быть, –

Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

<<1847 >>

*

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

<<1842 >>

*

<<...>> ...мне все дорого в жизни. Экая славная – с комарами, кукушками, грибами, цветами! Прелесть! <<...>>

*А. А. Фет. Из письма Л. Н. Толстому
16 мая 1863 г.*

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет все боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

<<1854 >>

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгаям лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

<<1843 >>

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко –
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь –
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

<<1855 >>

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает –
О чем – неясно ей самой, –
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

<<1854 >>

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства выюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.

<<1857 >>

*

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча, и извиваясь,
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды

С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

<<1859 >>

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

<<1857(?)>>

*

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли.

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, –
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

1872

*

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсуц,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она; здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

12 декабря 1879

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. –
Ты нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно – как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой –
И в вечность улетим!

1870

*

<<...>> Развернув письмо, я – первое – прочел стихотворение, и у меня защипало в носу: я пришел к жене и хотел прочесть; но не мог от слез умиления. Стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое само и прелестно. Оно так хорошо, что, мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока...

«Ты нежная», да и все прелестно. Я не знаю у вас лучшего.

Л. Н. Толстой.

Из письма А. А. Фету 11 мая 1870 г.

* * *

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?

<<1883>>

ЛЕТО

*

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 50-х годов

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Все тучки, тучки, а кругом
Все сожжено, все умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарю радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт, –
С небес нисходит жизни влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное – благо.

Я – ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.

<<1866>>

*

Как здесь свежо под липою густою –
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колбясь, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

<<1854 >>

ОСЕНЬ

*

Непогода – осень – куришь,
Куришь – все как будто мало.
Хоть читал бы, – только чтение
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Все такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чая,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

<<1847 >>

*

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.

<<1847 >>

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины,
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1886

*

Задрожали листы, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
С поля буря ворвавшись злая
Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.
Светлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.

13 июля 1887

*

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день бысролетный сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.

Расцвесь в надежде неуклонной –
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890

СНЕГА

* * *

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий отгиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна:

Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,
Как бы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложённую тобой.

<<1842 >>

*

Вот утро севера – сонливое, скупое –
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь – и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... А дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит – и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

<<1842 >>

*

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, –
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

<<1842 >>

*

Кот поет, глаза прищуря,

Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

<<1842 >>

*

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

<<1842 >>

*

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи – снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я, –
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, – замолчу я,
И – пошел куда ни будь!

<<1847 >>

*

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Все кругом меня.

Пред горящими дровами
Сядем – там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,

Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

<<1847 >>

*

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо – все одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

<<1864>>

*

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,

В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, –
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Начало 1862

* * *

<<...>> В полк пришел приказ о поступлении нашем на военное положение и выступлении через неделю в поход к австрийской границе.

<<...>> В последнее время мне не удалось побывать у Петковичей, но на походе чуть ли не всему полку пришлось проходить мимо Федоровки, и притом не далее полверсты от конца липовой аллеи, выходящей в поле. <<...>>

Мои поездки к Петковичам не могли быть неизвестны в полку; но едва ли многие знали, где именно Федоровка.

Душа во мне замирала при мысли, что может возникнуть какой-нибудь неуместный разговор об особе, защищать которую я не мог, не ставя ее в ничем не заслуженный неблагоприятный свет. Поэтому под гром марша я шел мимо далекой аллеи, даже не поворачивая головы в ту сторону. Это не мешало мне вглядываться, скосив влево глаза, и – у страха глаза велики – мне показалось в темном входе в аллею белое пятно. Тяжелое это было прощанье... <<...>>

А. А. Фет.

«Ранние годы моей жизни».

У ОКНА

К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась – и с тобой
Помчаться по равнине снежной.

Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен.
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.

Вдруг ты вошла – я все узнал –
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как все верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!

<<1847 >>

ГАДАНИЯ

*

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет – и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как устави́т гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня – сгинь, пропади!

<<1842 >>

*

«Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».

«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закровов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.

Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, все обещает,
Только сердит».

«Ну, а тебе что?» – «Тише, сестрицы!

Что-то несут:
Так и трясутся все половицы...
Что-то поют;

Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
Шут подшутил».

<<1842>>

*

Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,

И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;

Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что, – не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?

Няня добрая гадает,
Грустно голову склоняя;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

<<1842 >>

*

Перекресток, где ракирка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрипит.

Кто-то кра́дется сторонкой,
Санки пробегут –
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»

<<1842>>

П. И. Чайковский.

* * *

<<...>> То, что Чайковский говорит – для меня потому уже многозначительно, что он как бы подсмотрел художественное направление, по которому меня постоянно тянуло и про которое покойный Тургенев говаривал, что ждет от меня стихотворения, в котором окончательный куплет надо будет передавать безмолвным шевелением губ.

Чайковский тысячу раз прав, так как меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих. Поэтому в истинных художественных произведениях я под содержанием разумею не нравоучение, наставление или вывод, а производимое ими впечатление. Нельзя же сказать, что мазурки Шопена лишены содержания, – дай бог любым произведениям словесности подобного. <<...>>

А. А. Фет.

Из писем великому князю К. К. Романову.

* * *

Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет, –

Давно не видались мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначным оком:

– Ты смотришь мне в очи. Ты пра́ва: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.

<<1847 >>

* * *

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной.
Не отходи от меня:
Мне так отраднo с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, –
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, –
Мне так отраднo с тобой:
Не отходи от меня!

<<1842 >>

* * *

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

<<1842 >>

* * *

Буря на небе вечернем,
Моря сердитого шум –
Буря на море и думы,
Много мучительных дум –
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум –
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

<<1842 >>

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды глядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

<<1843 >>

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!

<<1842 >>

* * *

За кормою струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

Млечный Путь глядится в воду –
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу –
И луна бежит вослед.

Струйки вьются, песни льются,
Вторит эхо вдалеке,
И, дробясь, раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

<<1844 >>

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память бывшего
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

* * *

Спи – еще зарею
Холодно и рано;

Звезды за горою
Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели.
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лиц верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки –
Влагою прохладной.

<<1847 >>

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, –
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок,

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко отдается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

<<1847 >>

* * *

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознания
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,

Стою. В глазах движенье и цветы –
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

<<1858 >>

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко среди незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, –
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

<<1857 >>

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.

О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнью дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

<<1857 >>

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

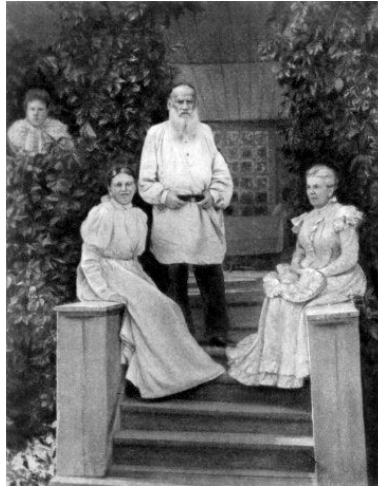
Я и думать забыл про холодную ночь, –
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь, умчалось прочь,
Будто искры в дыму, улетело.

Пусть на зорьке, все ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь – разгорится костер,
И, вясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

<<1859 >>

*Л. Н. Толстой, его жена С. А. Толстая и Т. А. Кузминская (справа)
на террасе яснополянского дома. Слева дочь Л. Н. Толстого Татьяна.*

* * *

Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.

Никак комара не прогонишь ты прочь, –
Поет и к свету все просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.

Подкрался, быть может, и смотрит в окно?
Увидит мать – догадается;
Нет, верно, у старого клена давно
Стоит в тени, дожидается.

<<1862 >>

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь,

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

2 августа 1877

* * *

<<...>> Вы спрашиваете, был ли он человеком сердца или рассудка? Конечно, рассудка. Не наблюдалось ли в нем тяготение к барству и аристократизму? Даже весьма большое.

Не замечала ли я в нем признаков умственной неуравновешенности, граничащей, может быть, с психическим расстройством?

Я никогда не замечала этого и никогда ничего не слышала об этом.

Вы спрашиваете, не произошла ли перемена в 70-х годах в Афанасии Афанасьевиче, что он из сельского хозяина, охотника и человека, занятого практическими делами, превратился в отшельника, философа и потом снова вернулся к стихам и прошлому?

Такой перемены нравственной я никогда у Фета не видела.

Охотником он никогда не был. Я со Львом Николаевичем часто ездила на охоту еще в 60-х годах, но Фет, живя лето в соседстве, никогда не ездил с нами.

Как рисуют Вам отношения Фета к его жене? Что за женщина была она?

Фет в обществе никак не относился к ней, а когда обращался, то дружественно и просто. Марья Петровна была прекрасная, сердечная женщина. Она часто бывала в Ясной Поляне, где я ее и видала. Она была сухощавая, среднего роста, дурна собой, с серым, не цветущим цветом лица, но с милой и доброй улыбкой, придававшей ей милое выражение лица. Про нее можно было сказать: «Хороша не была, молода была». Характер у нее был прелестный. Мужа своего она очень любила. Звала его всегда: «говубчик Фет», не выговаривая буквы «л». Ходила она за ним, как нянька, чувство ревности ей было чуждо. Напротив, она рассказывала той, которой Фет писал влюбленные стихи, как он писал их, с каким восхищением. Сестре моей она говорила не раз: «Душечка, графиня, Фет обожает Вас!»

Смешной случай произошел у Фета с гр. Сергеем Николаевичем Толстым, братом Льва Николаевича.

Сергей Николаевич был нездоров. Фет пришел навестить его, они дружески разговорились, и Сергей Николаевич, будучи всегда очень откровенен и искренен, вдруг спросил его: «Афанасий Афанасьевич, зачем Вы женились на Марии Петровне?» Фет покраснел, низко поклонился и молча ушел. Сергей Николаевич с ужасом впоследствии рассказывал об этом.

Вы спрашиваете про характеристику поклонения Фета моей сестре, не было ли тут романтического характера?

Первое знакомство Фета с моей сестрой произошло в Ясной Поляне, вскоре после ее замужества. Она, по-видимому, произвела на него сильное впечатление. Молодая, восемнадцатилетняя, красивая, цветущая, в белом платье, со связкой ключей на поясе (приказчика как раз разочли, и у сестры были все ключи) – вся эта картина смеси поэтического с домашним, конечно, не прошла мимо поэта с художественным чутьем и произвела на него сильное впечатление.

С этого дня началось его поклонение, но, по-моему, без всякого романтизма: сестра была с ним всегда одинаково приветлива. Во всю свою жизнь Фет сохранил к сестре моей не то дружбу, не то известное обожание. Но и тут часто проглядывало значение: «жена Льва Толстого».

Уже в преклонных годах, проводя зиму в Москве, где жили и Толстые, Афанасий Афанасьевич любил бывать у них по воскресеньям вечером (в их приемный день). Он садился обыкновенно у самовара около сестры и с блаженной улыбкой говорил: «Мне ничего не надо, ни выездов, ни театров, ни обедов, я люблю длинный стол, самовар, а за самоваром хозяйку с приятной для меня беседой».

Теперь я дошла до последнего вопроса – самого трудного. Трудного оттого, что писать о себе и смешно и немного стыдно. Но все же преклонные годы мои позволяют мне превозмочь эти чувства. Я буду писать, как про постороннюю. Мне очень памятен этот вечер.

Ваши вопросы: Не сообщите ли что-либо об «Эдемском вечере», кажется, у Дьяковых, когда Вы пели до зари в гостиной без огней? Верно ли передано настроение того вечера в стихотворении Фета «Сияла ночь»? Не припомните ли Вы, что именно пели Вы в этот вечер и кто тут присутствовал? И какая из спетых Вами вещей особенно восхитила Фета в Вашем исполнении?

Чтобы дать Вам понять, где все это происходило, у кого и обстановку всего, я начну сначала.

В 1864 году я гостила у Дьяковых в Черемошне, бывши очень дружна с его женой Дарьей Александровной, рожденной Тулубьевой. Дмитрий Алексеевич Дьяков был крупный помещик, большой человек, давнишний друг Льва Николаевича. Он был любитель музыки, в особенности пения, и сам немного умел петь. Фет с женой часто бывали в Черемошне и гостили у них.

Дом был старинный, барский, просторный, с большой гостиной и еще большей залой. Из гостиной вела выходная дверь на чудную террасу и в сад.

По воскресеньям обыкновенно собирались к обеду соседи. Так было и в этот день. Приехали Феты, Соловьевы, отец и сын, добродушная соседка (забыла ее фамилию) и гостила гр. Мария Николаевна Толстая с двумя дочерьми, моими большими друзьями. Из домашней молодежи были мы, три девочки: восемнадцатилетняя Маша Дьякова, ее молодая гувернантка-институтка и я.

Вечер этот сложился неожиданно. После обеда, когда мужчины ушли смотреть хозяйство, Дарья Александровна и Мария Николаевна сели играть в четыре руки Моцарта. Мария Петровна и мы все уселись по углам слушать их. Когда они кончили, Долли, так звали Дарью Александровну, стала наигрывать аккомпанемент моих романсов и тем звать меня петь. Я всегда неохотно пела в обществе и часто наотрез отказывалась, но тогда было трудно, Мария Нико-

лаевна так любила пение. Только что я начала, как услышала мужские шаги и второ́ру романса «Скажи зачем», который я пела. Все вернулись с прогулки и вошли в гостиную.

Дьяков сел около рояля, и уже прервать пение было невозможно. Мне было немного страшно начать пение при таком обществе, меня смущала мысль, что Фет так много слышал настоящего хорошего пения, что меня он будет критиковать. А я была очень самолюбива к своему пению.

Дмитрий Алексеевич, вызвав меня второ́рой на пение, покинул меня одну. Я продолжала, и один романс сменялся другим. В комнате царил тишина. Уже смеркалось, и лунный свет ложился полосами на полутемную гостиную. Огня еще не зажигали, и Долли аккомпанировала мне наизусть.

Я чувствовала, как понемногу голос мой крепнет, делается звучнее, как я овладела им. Я чувствовала, что у меня нет ни страха, ни сомнения, я не боялась уже критики и никого не замечала. Я наслаждалась лишь прелестью Глинки, Даргомыжского и других. Я чувствовала подъем духа, прилив молодого огня и общее поэтическое настроение, охватившее всех.

Подали чай, и нас позвали в залу. В освещенной большой зале стоял второй рояль. После чая Долли снова села аккомпанировать мне, и пение продолжалось.

Афанасий Афанасьевич два раза просил меня спеть романс Булахова на его слова «Крошка».

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок

и т. д. . .

Окна в зале были отворены, и соловьи под самыми окнами в саду, залитом лунным светом, перекрикивали меня.

В первый и последний раз в моей жизни я видела и испытала это. Это было так странно, как их громкие трели мешались с моим голосом.

Вы спрашиваете, какие романсы больше всего понравились Фету? «Я помню чудное мгновенье» и романс «К ней». Оба Глинки. Последний на темп мазурки:

Когда в час веселый
Откроешь ты губки
И мне ты воркуешь
Нежнее голубки

и т. д. . .

Этот романс очень любил и Лев Николаевич и отлично аккомпанировал мне. Он говорил, что Глинка написал его бывши навеселе.

Фету понравился еще один небольшой и малоизвестный романс, не помню только, чей он, со словами:

Отчего ты при встрече со мною
Руку нежно с тоскою мне жмешь
И в глаза мне с невольной мольбою
Все глядишь и чего-то все ждешь.

Когда я спела его, Фет подошел ко мне и сказал: «Когда Вы поете, слова летят на крыльях. Повторите его».

Мария Петровна суетливо подходила ко всем и говорила: «Вот увидите, что этот вечер не пройдет даром говубчику Фету. Он что-нибудь да напишет в эту ночь».

Мария Петровна была права.

На другое утро, когда все сидели за чайным столом, в залу вошел Фет. Поздоровавшись со всеми, он подошел ко мне, положил передо мною небольшой листок бумаги с написанными стихами с оглавлением «Опять» и сказал: «В память вчерашнего Эдемского вечера!»

Оглавление это произошло оттого, что однажды Лев Николаевич, приехавши к нам вечером вместе с Афанасием Афанасьевичем, заставил меня петь, аккомпанируя мне, а потом сказал мне: «Вот ты не хотела петь, а Фет как похвалил тебя! А ты ведь любишь, чтобы тебя хвалили!» Это было в 1862 году, когда Лев Николаевич только что женился. <<...>>

*Т. А. Кузминская. Из письма Г. П. Блоку,
биографу А. А. Фета.*

* * *

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь – не слышишь, глядишь – не
глядишь?

Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.

– Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до явү мне прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно, сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.

Начало 1875

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

* * *

Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей.

<<1882 >>

* * *

Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень
ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная
фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданиям ночным не поверю!

Конец 60-х годов (?)

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

* * *

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

* * *

Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода, –
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

ШОПЕНУ

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки –
Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, –
И не нужно мне надежды:
Этот час – он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, –
Я на все, на все иное
Отпылал, потух!

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки –
Разорвется вдруг!

<<1882 >>

РОМАНС

Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня – эта песнь одна.

И поющим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалась тесна.

Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

<<1882 >>

* * *

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос –
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струю и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.

<<1884 >>

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый

Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

27 декабря 1885

* * *

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, –
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, –
И не нужно речей, ни огней, ни очей –
Мне дыхание скажет, где ты.

10 апреля 1887

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

* * *

Все, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое все по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.

Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, –
Все, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 июля 1887

* * *

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завой, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный – он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким лишь воском!

25 апреля 1887

* * *

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвожь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, –
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, – светила дневного
Бойтся крылатый певец? –
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, –
И счастьем и песне конец.

4 ноября 1887

* * *

Гаснет заря в забытти, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне:
Ласки твои я расслушать хочу, –
«Знаю, ах, знаю», – тебе я шепчу.

В блеске, в румянном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, –
Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.

29 декабря 1888

* * *

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

30 января 1890

* * *

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней –
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

7 июля 1890

* * *

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки,
И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели,
И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей,
И плакали, плакали мы!

30 марта 1891

А.А. Фет. Фото 1860-х гг.

* * *

Долго еще прогорит Весмера скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
Тонкие змейки серебра блещут на влаге уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный землю покрыл.

<<1842 >>

* * *

Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, –
А нельзя здесь не прилечь

На перилы.

Так-то все весной живет!
В роще, в поле
Все трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, –
Придут с песнью на устах
Наши дети;

А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весной низойдут
Те же звуки.

<<1847 >>

<<...>> Я люблю землю, черную рассыпчатую землю, ту, которую я теперь рою и в которой я буду лежать. Жена набренькивает чудные мелодии Mendelson'a, а мне хочется плакать... Сегодня засадил целую аллею итальянских тополей аршин по 5 ростом и рад, как ребенок. <<...>>

*А. А. Фет. Из письма Л. Н. Толстому
12–14 октября 1862 г.*

<<...>> Когда мы за Нейхаузенем, перешедши через мосток, очутились на русской земле, я не мог совладать с закипевшим у меня в груди восторгом: слез с лошади и бросился целовать родную землю. <<...>>

*А. А. Фет.
«Ранние годы моей жизни».*

* * *

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так – забываясь
Под звучную меру весла,
Омочённого пеной шипучей, –
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик

Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет – живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Все громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это – жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?

Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на небе ясном высоко сверкает зарница.

<<1842 >>

* * *

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко,
прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг
мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах
фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость.
Только художник на всем чует прекрасного след.

<<1842 >>

* * *

<<...>> Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз. И они говорят правду: поэт – это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и исступленным. <<...>>

Платон. Из диалога «Ион».

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

<<1842 >>

* * *

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я все вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнет, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

<<1842 >>

* * *

Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи
всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, –
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурой уст, с вольным размером любви.

<<1842 >>

О ПОЦЕЛУЕ ⁶

Значение каждой вещи обусловлено местом, занимаемым ею в цепи причинности, будет ли последняя состоять из умственных оснований или материальных причин. Не зная условий, при которых делается вопрос, невозможно знать, на что ответить. Что касается до нас лично, то, не зная ответа, мы неспособны скрывать наше незнание, а тем более в виде искомого предмета преднамеренно подставлять его синоним: выставляя, например, в заглавии неразрешимый вопрос: что такое жизнь – сводить дело на то, что мировая жизнь, заключая в своей божественной непостижимости в числе прочего и нас, не стоит никакого внимания и не есть жизнь, которая сводится в конце концов на людское житие, т.е. человеческие деяния на поприще этики.

На вопрос о поцелуе, представляющем одно из крупных явлений жизни, невозможно отвечать, не заговорив о самой жизни. Отвечая на него, мы боимся не тех, которые, правильно поняв наши слова, будут бранить нас, а скорее тех, которые, не поняв сказанного, способны нас хвалить.

Прибегая для краткости к сравнению, представим себе жизнь мироздания в виде цветущей и доступной нашим чувствам долины, с одной стороны, и с другой – в виде недоступной взорам горной вершины, теряющейся в облаках. Невзирая на такую недоступность, мы знаем несомненно, что с этих невидимых вершин нисходит к нам живительная влага, без которой жизнь в долине невозможна. И насколько нам показалось бы нелепым утверждение, что водопады беспричинно сами собой порождаются на уступах, с которых падают, настолько же неосновательно кажется нам сказать про те или другие явления, что они, не истекая из трансцендентального мира, возникают сами собою. Но, проникнув в храмину основных причин, т.е. творчества мировой воли, не позволим себе бессмысленного вопроса: почему эта воля хочет в данном случае того, а не другого? Если эта воля, осуществляясь всюду, даже в мире неорганическом, желает бытия, то на самой границе органического мира она уже к желанию бытия присоединяет желание воспроизведения себя в потомстве. Мы не только напрямик отказываемся отвечать, почему воля хочет того или другого, но отказываемся даже понимать и то, что, несомненно, происходит у нас перед глазами. Ибо сплошь да рядом происходит не только невероятное, но логически невозможное. Прибегайте к какой угодно диалектике, но – яйцо содержит не только будущую курицу или петуха, но и бесконечный ряд их потомств. Другими словами, тесно ограниченная скорлупа содержит в себе безграничный ряд птичьих поколений, что представляет логическое противоречие. Как бы то ни было, стремление к воспроизведению себе подобных резко отличает органический мир от неорганического, и сближение полов между собою есть путь, избранный природою для своей главной цели. Неотразимую прелесть, какою она окружила акт сближения и взаимного проникновения, Шопенгауэр называет преднамеренным обманом, без которого никто добровольно не взвалил бы на себя нередко непосильной семейной обузы. Мужчина, в первый раз инстинктивно потянувший себя за ус при виде незнакомой ему девушки, и девушка, прошедшая мимо него с опущенными глазами, уже стали на двух концах лестницы сближения; они еще сильнее его почувствуют, связанные друг с другом лентою, изображающею в котильоне вожжи; еще сильнее будет сближение, когда, отбросивши вожжи, он в вальсе обхватит ее талию, хотя бы и затянутую в корсет. Но болезненно возрастающий жар, не утоляясь новою степенью сближения, требует еще большего и инстинктивно находит его в поцелуе. Инстинкт в выборе своем непогрешим; невозможно придумать более наглядного и осязательного сближения, чем сближение жаждущих друг друга уст.

Слизистая оболочка, выбегая из нашей внутренности и являясь на языке единственной хранительницей чувства вкуса, сводит одновременно в устах и драгоценные звуки голоса, и

⁶ Статья «О поцелуе» была написана Фетом в 1891 г. для сборника «Поцелуй. Исследования и наблюдения». СПб., 1892.

сладостное дыхание любимого существа. Но удивительно, что соприкосновение двух влюбленных уст представляет предпоследнюю ступень возможного сближения. Это просмотренный и помеченный банком вексель для выдачи полной суммы. Таково значение любовного поцелуя между двумя полами. Но все другого рода поцелуи являются следствием привычки, подобно тому как отставные военные, расшаркиваясь, иногда щелкают как бы шпорами, которых давно нет. Но там, где еще говорит безыскусственная страсть, ищущая сближения с любимым существом, поцелуй бывает так же влажен, как у истинно влюбленных. Так иногда целует мать обожаемого ребенка, которого ей как бы хочется проглотить. И кажется, д-р Даль, в своем словаре справедливо производя «поцелуй» и «целовать» от слова «целость», не прав, объясняя его желанием целости лобзаемого, в смысле: желаю здравствовать. Не вернее ли сказать, что целовать – значит стремиться ко всецелому обладанию предметом страсти. Нежнейший и прелестнейший цветок интимности – поцелуй, кроме пустой и холодной формальности, с которою ежедневно обходит равнодушные друг другу лица, способен быть выражением различных непритворных чувств. Там, где за страстным поцелуем последовала полная выдача суммы, поцелуй, потерявший свое наступательное движение, нередко принимает форму живой признательности. Тогда у любимой женщины, погружая уста в обожаемую руку, целуют ладонь. Конечно, на такой поцелуй надо иметь известное право.

Каемся, во всех широких мировых и психологических вопросах мы охотнее всего обращаемся к поэтам. На что требуется великой подготовительной работы, чтобы только правильно поставить вопрос, тому у поэта в немногих стихах находится наилучшее его объяснение.

В данном случае идею взаимного слияния и проникновения в поцелуе невозможно выразить с большею яркостью, чем она высказана у Шиллера в знаменитом стихотворении «Das Geheimnis der Reminiscens», весьма удачно переведенном Григорьевым:

Вечно льнуть к устам с безумной страстью,
Кто ненасыщаемому счастью,
Этой жажде пить твое дыханье,
Слить с твоим свое существованье
Даст истолкованье?

Нельзя не заметить, что Шиллер, иллюстрируя этим стихотворением мысль о слиянии, взаимном проникновении представителей двух полов, по праву поэта берется вдохновенно раскрыть первоначальную причину, наследованную из трансцендентального мира. Сначала разгадка вопроса является только догадкой:

Или мы когда-то едились,
Иль затем сердца в нас страстно бились?
Не в луче ль погасших звезд с тобою
Были мы единою душою,
Жизнью одною?

Но затем порыв вдохновения превращает догадку в несомненное событие:

Да, мы были, внутренно была ты
В тех зонах (им же нет возврата)
Связана со мною... Так в скрижали
Мне прочесть в той довременной дали
Вдохновенья дали.

Разделенное на две половины существо, свободно парившее в трансцендентальном мире, попавши в мир явлений, вынуждено искать своего воссоединения, и силы духа, там свободные, делаются здесь рабами.

Оттого-то так рабы охотно,
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Через жизни мост бегут, с тобою
Жизнью жить одною.

Вот все, что мы нашли необходимым сказать об этом своеобразном и сладостном явлении.

* * *

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрываются зеркальным стеклом,
Шпиль и кресты – бриллианты;
А там, за луной, небосклон –
Чем дальше – светлей и прозрачней.
Смотришь – и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды,
Светел, как призрак.
Голову клонит, – а жаль от окна
оторваться!

<<1842 >>

* * *

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и
каждый
Образ пугливо-немой дальше трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,

Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме

Все невозможно-возможное, странно-бывалое...

Лампа

Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,

А в отдалении колокол вдруг запоет – и тихонько

В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.

Сердце в них находило всегда какую-то влагу,

Точно как будто росой ночи омыты они.

Звук все тот же поет, но с каждым порывом иначе:

То в нем меди тугой более, то серебра.

Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая,

слышит;

В мыслях иное совсем, думы – волна за волной...

А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет

Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно.

Так между влажно-махровых цветов снотворного

маку

Полночь роняет порой тайные сны наяву.

<<1843 >>

* * *

Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в
потемках,

Если луна с высоты прямо глядит на меня

И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами

По полу, комнату всю дымом прозрачным поя,

А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,

Черные группы деля, зыбким проходит лучом

Между ветвями – и вниз ее золоченые стрелы

Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок

Лунному свету мешают рассыпаться по зemi, сам же,

Светом осыпанный весь, черен, дрожит на тени.

Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,

Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен!

<<1847 >>

* * *

Шепот, робкое дыханье,

Трели соловья,

Серебро и колыханье

Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

<<1850>>

* * *

<<...>> Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял – или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского «Меркурия» (тогда все издавались «Меркурии»). Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч. и проч. И вдруг – на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Да еще мало того: тут же, в виде послесловия к поэмке, приложено в прозе всем известное поэтическое правило, что тот не поэт, кто не в состоянии выскочить вниз головой из четвертого этажа (для каких причин? – я до сих пор этого не понимаю; но уж пусть это непременно надо, чтоб быть поэтом; не хочу спорить). Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта, и вовсе не за то, что он написал стихотворение без глагола, а потому, что вместо трелей соловья накануне слышались под землей такие трели, а колыхание ручья появилось в минуту такого колыхания целого города, что у бедных лиссабонцев не только не осталось охоты наблюдать

В дымных тучках пурпур розы

или

Отблеск янтаря,

но даже показался слишком оскорбительным и небратским поступок поэта, воспевающего такие забавные вещи в такую минуту их жизни. Разумеется, казнив своего поэта (тоже очень небратски), они все непременно бы кинулись к какому-нибудь доктору Панглосу за умным советом, и доктор Панглос тотчас же и без большого труда уверил бы их всех, что это очень хорошо случилось, что они провалились, и что уж если они провалились, то это непременно к лучшему. И доктора Панглоса никто бы не разорвал за это в клочки; напротив, дали бы ему пенсию и провозгласили бы его другом человечества. Ведь так все идет на свете.

Заметим, впрочем, следующее: положим, лиссабонцы и казнили своего любимого поэта, но ведь стихотворение, на которое они все рассердились (будь оно хоть и о розах и янтаре), могло быть великолепно по своему художественному совершенству. Мало того, поэта-то они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, а вместе с тем и за «пурпур розы» в частности. Выходит, что не искусство было виновато в день лиссабонского землетрясения. Поэма, за которую казнили поэта, как памятник совершенства поэзии и языка, принесла, может быть, даже и немалую пользу лиссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения. Стало быть, виновато было не искусство, а поэт, злоупотребивший искусством в ту минуту, когда было не до него. Он пел и плясал у гроба мертвеца... Это, конечно, было очень нехорошо и чрезвычайно глупо с его стороны; но виноват опять-таки он, а не искусство.

Одним словом, утилитаристы требуют от искусства прямой, немедленной, непосредственной пользы, соображающейся с обстоятельствами, подчиняющейся им, и даже до такой степени, что если в данное время общество занято разрешением, например, такого-то вопроса, то искусство (по учению некоторых утилитаристов) и цели не может задать себе иной, как разрешение этого же вопроса. Если рассматривать это соображение о пользе не как требование, а только как желание, то оно, по нашему мнению, даже похвально, хотя мы и знаем, что все-таки это соображение не совсем верно. <<...>>

Повторяем: разумеется, этого только можно желать, но не требовать, уже по тому одному, что требуют большею частью, когда хотят заставить насильно, а первый закон в искусстве – свобода вдохновения и творчества. <<...>>

Ф. М. Достоевский.

«Г-н –бов и вопрос об искусстве».

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,

Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

<<1857 >>

* * *

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре –
Все же безмолвно горят их молитвы.

<<1883>>

* * *

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.

Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 октября 1888

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

7 февраля 1889

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, лугами
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, –
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

<<1855 >>

Дом А. А. Фета в Воробьевке

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росой
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

<<1847 >>

ЛИХОРАДКА

«Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Все как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

«Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко – знаешь сам».

«Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

«Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит,
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».

«Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы –
Лихорадка ли она?»

<<1847 >>

ВИДЕНИЕ

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилось диво –
Земле подобает смиренность!

Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывались в кучи
Под зыбью небес голубою,

И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.

На тучах, высоко,
Все выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы.

<<1843 >>

* * *

<<...>> Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение.

Свои я записывал в отдельную желтую тетрадку, и их набралось уже до трех десятков.
<<...>>

Все мы хорошо знали, что Николай Васильевич Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча. Не будучи знакомы, мы даже друг другу не поклонились.

О своих университетских занятиях в то время совестно вспоминать. Ни один из профессоров, за исключением декана Ив. Ив. Давыдова, читавшего эстетику, не умел ни на минуту привлечь моего внимания, и, посещая по времени лекции, я или дремал, поставивши кулак на кулак, или старался думать о другом, чтобы не слышать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась в объеме, и однажды я решил отправиться к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

– Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, – сказал Погодин, – он в таком случае лучший судья.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказал, это несомненное дарование». <<...>>

А. А. Фет.

«Ранние годы моей жизни».

ГЕРО И ЛЕАНДР

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море – только в море
Волн кочующих родник.

Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море – чья победа?
Иль в зыбях, вторая Леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?

Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный,
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.

Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.

Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море – только в море
Волн кочующих родник.

<<1847 >>

ТАЙНА

Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.

Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.

Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.

И, помню, стало мне вокруг
При нем все так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.

Летели дни... промчался год...
Настал последний час –
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.

И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялася о нем
Кого-нибудь спросить.

Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».

И с этих пор – он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.

Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих – больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!

<<1842 >>

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Все кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.

«Разгуляйся в поле», – сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремями
Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.

Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.

Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь повернул.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился –
И махнул рукой.

<<1843 >>

ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, –
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации собирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, – ставши в тесный круг, красавицы шептали...
«Эллада!» – слышалось мне часто в тишине.

<<1840 >>

* * *

<<...>> Говорите что хотите, а ум, выплывающий на поверхность, – враг простоты и с тем тихого художественного созерцания. Если мне кто скажет, что он в Гомере или Шекспире заподозрил *ум*, я только скажу, что он их не понял. Черт их знает, может быть, они были кретины, но от них сладко – мир, в который они вводят, действительный, узнаешь и человека и природу – но все это как видение высоко недосягаемо, на светлых облаках. Книга давно закрыта, уже давно пишешь вечерний счет и толкуешь с поваром, а на устах змеится улыбка, как воспоминание чего-то хорошего. <<...>>

*А. А. Фет. Из письма И. С. Тургеневу
20 января 1858 г.*

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяенья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

<<1843 >>

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, –
Его неподвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, –
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, – она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

<<1847 >>

* * *

<<...>> При отыскании красоты человек жил и мучился. <<...>>

В муках жизни и творчества бывают минуты не то чтоб отчаяния, но беспредельной тоски, какого-то безотчетного позыва, колебания, недоверия и вместе с тем умиления перед прошедшими, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшего человечества. В этом энтузиазме... перед идеалами красоты, созданными прошедшим и оставленными нам в вековечное наследство, мы изливаем часто всю тоску о настоящем, и не от бессилия перед нашею собственной жизнью, а, напротив, от пламенной жажды жизни и от тоски по идеалу, которого в муках добиваемся. Мы знаем одно стихотворение, которое можно почесть воплощением этого энтузиазма, страстным зовом, молением перед совершенством прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому же совершенству, которого ищет душа, но должна еще долго искать и долго мучиться в муках рождения, чтоб отыскать его. Это стихотворение называется «Диана». <<...>>

Последние две строки этого стихотворения полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значения, что мы ничего не знаем более сильного, более жизненного во всей нашей русской поэзии. <<...>>

Ф. М. Достоевский. «Г-н –бов и вопрос об искусстве».

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес

Скользит и свой двойник на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, –
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

<<1847 >>

СОН И ПАЗИФАЯ

Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью
Девы хариты молодой – ризы вязала концы,
Свежий венок прилегал к высоко подвязанным
косам,
Серьги с подвеской тройной с блеском качались в
ушах,
Сзади вились по плечам, умащенные сладкою
амброй,
Запах далеко лия, волны кудрей золотых.
Тихо ступала нога круглобедрая. Так Пазифаю
Юноша Сон увидал, полон желанья любви.
Крепкой обвита рукой, покраснела харита младая,
Но возрастающий жар вежды прекрасной
сомкнул,
И в упоеньи любви, на цветы опускаяся, дева,
Члены раскинув, с кудрей свой уронила венок.

<<1842 >>

ДИАНА, ЭНДИМИОН И САТИР (Картина Брюллова)

У звучного ключа так сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены – оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вождельенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.

<<1855 >>

ТЕЛЕМАК У КАЛИПСЫ

Солнце низко. Легкой мглою
Вечер доли напоет.
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает.
Сын Улисса озабочен.

Смолкли нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный.
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд, и горе:
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Все забуду, что покину?»

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О Зевес! Зачем же лира
Так бессильна – дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИР (Группа Ставассера)

Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий.
Но вот, косматые колена преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой, – не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою уста его и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна:
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, – в сознании ль красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в сатире молодым,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

<<1859 >>

Венера Милосская.

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

<<1856 >>

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, – ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху, и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!
Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою

Шумный полет? – Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!
Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

<<1847 >>

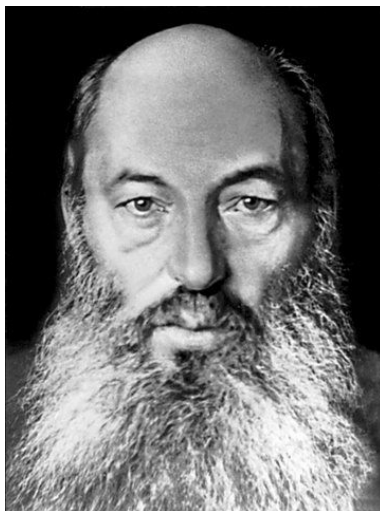
<<...>> Только слабоумные люди видят в науке колдовство, а в жизни простоту и тривиальную будничность, тогда как это совсем наоборот. Как бы высоко ни забралась математика, астрономия, это все дело рук человеческих – и всякий может шаг за шагом туда взлезть,

проглядеть все до нитки, а в жизни ничего не увидишь – хоть умри – тут-то тайна-то и есть!
<<...>>

Во все живые явления, выражаемые статистическими цифрами, ежесекундно вторгается океан саморазличнейших нечислимых жизней. <<...>>

А. А. Фет.

Письмо Л. Н. Толстому 1 января 1870 г.

А. А. Фет.

* * *

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.

Долго будет утомленный
Спать с Фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством Бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

<<1854 >>

* * *

Жди ясного на завтра дня.

Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, –
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли –
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегают тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

<<1854 >>

НА КОРАБЛЕ

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычную стопю
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856 или 1857

ПОСЛЕ БУРИ

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. –
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

<<1870 >>

* * *

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. – Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.

И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.

А нынче – как моя душа,
Волна светла, – и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена,
И задрожал весь хор небесный.

<<1864 >>

МОРЕ И ЗВЕЗДЫ

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалася бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалася звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебную силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилося горе,
Как будто бы звезды тебя победили.

<<1859 >>

* * *

Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.

В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.

17 февраля 1891

ПРИБОЙ

Утесы. Зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-мебный
Сверкает Средиземный вал;

И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит,
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда – он кипит,

Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, все страшен
Всею перейденной глубиной.

Конец 1856 – начало 1857

*Семья Полонских в гостях у А. А. Фета в Воробьевке летом 1890 г.
Сидят: А. А. Фет (справа), его жена Мария Петровна (слева), дочь
Я. Полонского Наталья (в центре). Стоят: Я. Полонский (второй
слева), его жена Жозефина Антоновна (первая справа), сыновья
Б. Полонский (крайний слева) и А. Полонский (второй справа).*

ПАМЯТИ В. П. БОТКИНА 16 ОКТЯБРЯ 1869 ГОДА

Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?

Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной
Чему всю жизнь не изменил?

Ужель сказал: «За вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, – нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещей муз».

Нет! покидая жизнь земную,
Ты вспячь стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал ⁷.

Октябрь 1869

⁷ Завещал капитал университету, консерватории и школе живописи. (Примеч. А. А. Фета.)

ПАМЯТИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! –
Отдавая мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

3–5 июля 1886

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленой ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье –
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, –
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя – но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!

<<1856 >>

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга, –
Давно тебе, любовник юга,
Готовим тучного тельца;
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,
Вот улыбнулись антики,
И долго слышат мозайки
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.

Там все тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленой,
И, верно, чуя, что просторней, –
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей.

Начало 1858

БРЖЕСКИМ
при получении цветов и нот

Откуда вдруг в смиренный угол мой
Двойкой роскоши избыток,
Прекрасный дар, нежданный и двойной, –
Цветы и песни дивной свиток?

Мой жадный взор к чертам его приник,
Внемлю живительному звуку,
И узнаю под бархатом гвоздик
Благоухающую руку.

Начало сентября 1847

* * *

<<...>> Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: **в нем слишком много слез**, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться. <<...>>

Л. Н. Толстой о стихотворении

«А. Л. Бржеской» в письме А. А. Фету

15–16 февраля 1879 г.

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыдания,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки – и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. –
Прочь этот сон, – в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Опять весна! опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы.

Весна! весна! о, как она крепит,
Как жизненной нас учит верить силе!
Пусть наш добрый, лучший друг наш спит
В своей цветами убранной могиле, –

Он говорит: «Приободришь и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга».
Когда к нему ты понесешь цветы,
Снеси ему сочувствие от друга.

Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверять,
Хоть смерть в виду, а все же нужно жить;
А слово: жить – ведь значит: покоряться.

<<1879 >>

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Нет, лучше голосом ласкательно обычным
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе ненужным и безличным
За шумною волной безмолвному идти.

Зачем уснувшего будить в тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
С того, что спать навек в груди обречено?

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!

1 апреля 1886

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.

И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пусть терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.

Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.

<<1866 >>

К ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ С. А. ТОЛСТОЙ

И вот портрет! И схоже и несхоже,
В чем сходство тут, несходство в чем найти?
Не мне решать; но можно ли, о боже,
Сердечнее, отраднее цвести?

Где красота, там споры не у места:
Звезда горит – как знать, каким огнем?
Пусть говорят: «Тут девочка-невеста,
Богини мы своей не узнаем».

Но все толпой коленопреклоненной,
Мы здесь упасть у ваших ног должны,
Как в прелести и скромной и нетленной
Вы смотрите на наши седины.

27 апреля 1885

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Я не у вас, я обделен!
Как тяжело изнеможенье;
У вас – порывы, блеск, движенье,
А у меня – не бред, а сон.

Какое счастье хоть на миг
Залюбоваться жизни далью,
Призыв слышать над роялью, –
Я все признал бы и постиг.

Я б снова трепет ощутил,
Целебной силой с прежним схожий;
Я б верил вновь, что ангел Божий
Пришел и воду возмутил.

27 мая 1886

ЕЙ ЖЕ

во время моего 50-летнего юбилея

Пора! по влаге кругосветной
Я в новый мир перехожу
И с грустью нежной и заветной
На милый север свой гляжу.

Жестокой уносим волною,
С звездой полярною в очах,
Я знаю, ты горюшь за мною
В твоей красе, в твоих лучах.

19 февраля 1889

Е. С. ХОМУТОВОЙ

при получении от нее пышного букета цветной капусты

Соизмеряя дар с приветом,
Дерзаю высказать в ответ,
Что в мире никаким букетам
Не уступает ваш букет.

Его значенье многосложно
И в силах вдохновить певца;
Его принять с поклоном можно,
И можно скушать до конца.

5 мая 1883

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

Тому не лестны наши оды,
Наш стих родной,
Кому гремели антиподы
Такой хвалой.

Но, потрясенный весь струнами
Его цевниц,
Восторг не может и меж нами
Терпеть границ.

Так пусть надолго музы наши
Хранят певца
И он кипит, как пена в чаше
И в нас сердца!

18 августа 1891

ГРАФУ А. К. ТОЛСТОМУ
в деревне Пустыньке

В твоей Пустыньке подгородной,
У хлебосольства за столом,
Поклонник музыки благородный,
Камен мы русских помянем.

Почтим святое их наследство
И не забудем до конца,
Как на призыв их с малолетства
Дрожали счастьем в нас сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонит площадная
Царицу мысли и труда;

Да не смутит души поэта
Гоненье на стыдливых муз,
И пусть в тени, вдали от света,
Свободней зреет их союз!

<<1864? >>

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаюсь настрелянную птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом – и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимая перья,
И вдруг нежданно быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, –
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. – Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

Конец октября или начало ноября 1875

* * *

<<...>> ...я ощущаю себя с ним единым двуглавым орлом, у которого на сердце эмблема со злом в виде Георгия с драконом, с тою разницей, что головы, смотрящие врозь, противоположно понимают служение этой идее: голова Льва Николаевича держит в своей лапе флягу с елеем, а моя лапа держит жезл Ааронов – нашу родную палку. <<...>>

Из письма А. А. Фета С. А. Толстой

14 сентября 1891 г.

Л. Н. ТОЛСТОМУ
при появлении романа «Война и мир»

Была пора – своей игрою,
Свою ризою стальнойю
Морской простор меня пленял;
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
То пеной у прибрежных скал.

Но вот, о море, властью тайной
Не все мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковойной,
Я перед мощию стихийной
В священном трепете стою.

23 апреля 1877

* * *

<<...>> Но разве я Льва Николаевича Толстого люблю? Я готов, как муэдзин, взлезть на минарет и оттуда орать на весь мир: «Я обожаю Толстого за его глубокий, широкий и вместе тончайший ум. Мне не нужно с ним толковать о бессмертии, а хоть о лошади или груше – это все равно. Будет ли он со мной согласен – тоже все равно, но он поймет, что я хотел и не умел сказать». <<...>>

*Из письма А. А. Фета Л. Н. Толстому
31 января 1878 г.*

<<...>> Чем ближе люди между собою (а вы по душе мне один из самых близких)... тем чувствительней несоответственность тона письма – тону действительных отношений. <<...>>
Настоящие мои письма к вам это мой роман, которого я очень много написал ⁸. <<...>>

*Из письма Л. Н. Толстого А. А. Фету
10...20 мая 1866 г.*

⁸ Речь идет о романе «Война и мир».

ПОЛОНСКОМУ

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я, по-прежнему смиренный,
Забывтый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотой умиленный,
Зажег вечерние огни.

<<1883 >>

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

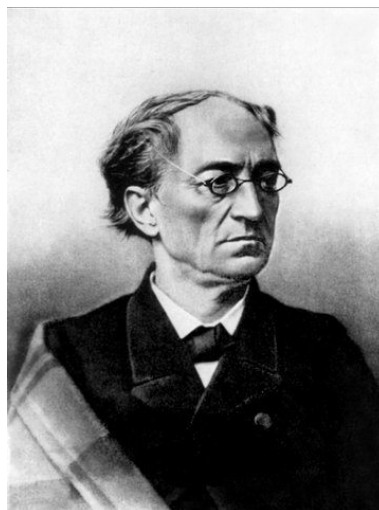
Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.
Твоей камене – повторять
Прозя стихи – я докучаю,
А все заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.

Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою
Я одного прошу – чтоб ты
Во всех был видах предо мною.

Вот почему спешу, поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном.
Пришли в письме мне твой портрет
Что нарисован Аполлоном.

<<1862 >>

Тютчев.

НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Вот наш патент на благородство, –
Его вручает нам поэт.
Здесь духа мощного господство,
Здесь уточненный жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит – а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Декабрь 1883

* * *

<<...>> Два года тому назад, в тихую, осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и, по мере того, как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали во глубине еще тончайшие блески и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева. Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы, одним словом, поэзии! Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снял бы дагерротипически все небо г. Тютчева с его звездами 1-й и 2-й величины, т.е. переписал бы все его стихотворения. Каждое из них – солнце, т.е. самобытный, светящий мир, хотя на иных и есть пятна; но, думая о солнце, забываешь о пятнах. <<...>>

А. А. Фет.

Из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева».

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
Немую провожает тень.

Как лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
А только то, чем мог он быть.

Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа,
О муза, – нам велит природа,
Навек смиряясь, молчать.

20 декабря 1888

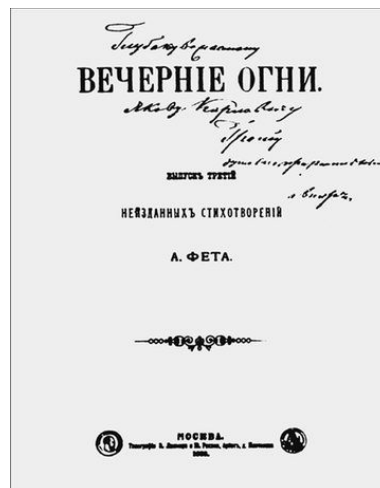
* * *

<<...>> А. Фет был именно одним из немногих у нас людей, которые могли быть признаны настоящими европейцами, настоящими классиками, в лучшем смысле этих определений. Его широкое образование, его утонченнейшая воспитанность и светскость, – в этом смысле он напоминал французских маркизов лучшего времени, – не могли не привлекать к нему таких же образованных и воспитанных людей всех «лагерей». В этом-то, а также в его доброте, в его дружелюбии, в его постоянной готовности сделать все для всякого и заключался секрет его обаяния, и этими качествами только и может быть объяснена его непрерывная и долгая дружба с самыми выдающимися людьми его времени.

Раз узнав Фета, всякий становился его другом. <<...>>

В. Н. Семенович.

«Памяти А. А. Фета-Шенишина».

Третий выпуск «Вечерних огней» (1888 г.) с дарственной надписью Я. К. Гроту.

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиранные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог, с пречистою Мадонной!

<<1842 >>

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

<<1843 >>

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться

И не лукавь,
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И, распростерт, заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал – с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я, как дитя, заплачу –
И за тобой!

<<1847 >>

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший –
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

<<1843 >>

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, – но только песня зреет.

<<1843 >>

ДЕРЕВНЯ

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!

<<1842 >>

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

<<1843 >>

* * *

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат – слышит только соловей...
Да и тот не слышит, – песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

<<1853 >>

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,

В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. – Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы – мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке, как в люльке, несло.

И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала, как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

<<1854 >>

СОСНЫ

Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь она
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья, –
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.

<<1854 >>

БОЛЬНОЙ

Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди.
Его томил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.

На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света Божьего хотелось ему –
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.

А там, за стеклами, как чуткий сон легки,
С востока яркого все шире дни летели,
И солнце теплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капли.

Просиживая дни, он думал все одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечат...»
И ждал он: скоро ли весна пахнет в окно
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?

<<1855 >>

В САДУ

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,
Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там, в лесу, мне будет грустно.
Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые слова
Давно забытую, оплаканную повесть.

И скажут: «Помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним, как потом, в последний час
разлуки,
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.

Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?»
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял – и все они увяли.

А вы – вы молоды и пышны до конца.
Я рад – и радости вполне вкусить не смею;
Стою, как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел – и плакать не умею!

<<1854 >>